

Р. Д. ОРЛОВА

ДОСТОЕВСКИЙ И АМЕРИКАНСКИЕ ПИСАТЕЛИ 1960—1970-Х ГОДОВ

Тезисы доклада

Публикация, вступительная статья
и комментарии В. Н. Абросимовой

«...Вы для меня символ почти России <...>»,¹ — писала 13 декабря 1976 года талантливая американская славистка Эллендеа Проффер известному литературоведу, американисту, переводчице, литературному критику, писательнице, опытному лектору и редактору Раисе Давыдовне Орловой (1918—1989), к этому времени, правда, уже практически отлученной от слушателей и читателей.² Ощущение кровной связи с миром, с культурой других стран было органически присуще Р. Д. Орловой и ее мужу, известному писателю, ученому-германисту, переводчику Льву Зиновьевичу Копелеву (1912—1997). В их переписке с американскими, немецкими и советскими литераторами доминирует мысль о едином культурном пространстве независимо от религиозных, национальных и языковых барьеров.

Русско-американские литературные связи были частью профессиональных интересов Р. Д. Орловой. От природы она была наделена даром разрушать видимые и невидимые преграды между отдельными людьми и культурами разных народов, талантом перебрасывать мостик через стены отчуждения и страха, заскорузлости мышления и нетерпимости. В самые трудные времена она могла бы повторить строки из романа В. В. Набокова «Дар»:

О поклянись <...>
что не запрешь души своей в темницу,
не скажешь, руку протянув, стена.³

Весной 1973 года на столе Р. Д. Орловой появилась тоненькая папка с условным названием: «Мосты через океан: Русско-американские ли-

¹ РГАЛИ, ф. 2548, оп. 2, ед. хр. 142, л. 3 об.

² Подробнее об этом см.: Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве: 1956—1980. М., 1990.

³ Набоков В.В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 3. С. 159.

тературные связи». Она постепенно пополнялась записями, в которых выкристаллизовывался сюжет будущего исследования. 8 апреля 1974 года Орлова поделилась своими планами с Лилиан Хеллман (Hellman; 1905—1984), с которой ее связывала многолетняя дружба:⁴ «...хочу написать несколько очерков, — может быть, в будущем книгу, — об американских писателях и русской литературе. Хемингуэй и Россия, Фолкнер и Россия, Сэлинджер... Главным образом, классическая русская литература. Но, кроме того, история публикации, восприятия, литературной критики здесь».⁵

Летом 1974 года Р. Д. Орлова разослала более ста писем советским литераторам с просьбой ответить на вопрос, какую роль в их жизни и творчестве сыграли произведения американских авторов. По мере получения ответов⁶ стало ясно, что необходимо параллельно исследовать процесс взаимовлияния, взаимопроникновения русской и американской литератур. К маю 1975 года Р. Д. Орлова отправила более пятидесяти писем американским литераторам с аналогичной просьбой рассказать, какую роль в их творческой биографии сыграла русская литература. Это не была стандартная анкета «под копирку», а в каждом случае — личное письмо, личное обращение к знакомому или незнакомому человеку. Исследовательский опыт и отличное знание текущей периодики позволили ей отобрать не просто определенное количество известных имен, а из потока современной американской литературы выбрать тех писателей, для которых произведения русских авторов давно стали неотъемлемой частью культурного пространства эпохи.⁷

В архиве Р. Д. Орловой сохранились ответы десяти американских писателей и шестидесяти российских литераторов. Можно только пожалеть, что книга «Американские писатели и Россия» так и осталась в набросках. Осенью 1975 года Р. Д. Орлова выступила с докладом «Достоевский и американские писатели 1960—1970-х годов» на конференции в музее Достоевского в Ленинграде. В основе этой работы были материалы проведенной анкеты.

Р. Д. Орловой не хватило жизненного времени, чтобы завершить работу, начатую в середине 1970-х годов. Она успела написать большую статью

⁴ Орлова Р. Воспоминания о непрошедшем времени. М., 1993. С. 132—134.

⁵ РГАЛИ, ф. 2548, оп. 1, ед. хр. 36, л. 13. Машинописная копия с авторской правкой на английском языке.

⁶ В архиве Орловой сохранились 42 ответа советских литераторов. См.: Там же, ед. хр. 150, л. 1—98. Часть писем опубликована. См.: Орлова Р. Мосты: Русско-американские литературные связи // Иностранная литература. М., 1993. № 11. С. 243—248.

⁷ В качестве примера приведу письмо Орловой к известному негритянскому писателю Джону Оливеру Килленсу (Killens; 1916—1987), с которым она встречалась летом 1968 года в Москве. Выступая на встрече с литераторами в редакции журнала «Иностранная литература» 3 июля 1968 года, Дж. О. Килленс рассказал о своем желании написать роман о Пушкине (РГАЛИ, ф. 1573, оп. 5, ед. хр. 783, л. 4, 9—10). И действительно, роман о Пушкине, которого Килленс воспринял как негритянского гения, стал последней работой писателя. См.: Killens J. O. Great black Russian: A novel on the life and times of Alexander Pushkin. Detroit, 1989.

«По пути с Марком Твенном» и включить в нее отрывки из писем российских литераторов.⁸ Уже в изгнании, в Германии, пережив первый шок от указа о лишении гражданства, Орлова нашла в себе силы реализовать хотя бы часть давнего замысла. Так появилась книга «Хемингуэй в России: Роман длиной в столетия» (Ann Arbor, 1985).⁹

До конца жизни она продолжала свою подлинно миссионерскую деятельность. В книге, написанной в Германии и адресованной немецкому читателю, Орлова так сформулировала свое понимание проблемы культурных связей: «...нас разделяют стены предрассудков, пропасти незнания. Стремлюсь, выбираясь из страха перед чужим, из своих печалей, стремлюсь участвовать в строительстве мостов через пропасти. Хотя бы кирпичик положить в такой мост».¹⁰

Одним из таких «кирпичиков» и стала анкета, разработанная Орловой в середине 1970-х годов, и сделанный на ее основе доклад.¹¹

1. Воздействие русской литературы, воздействие Достоевского на американцев бесспорно.

Р. П. Уоррен так отвечает на вопрос, который я задаю многим литераторам США: «Какую роль в Вашей жизни сыграла русская литература?»: «...ее влияние мощно и всепроникающе. Оно значительно и тем, что это воздействие невозможно свести к единственному, узкому сектору» (письмо от 15 дек(абря 19)74 года). Однако задача данной работы именно такова: выделить относительно узкий сектор — воздействие Достоевского на нескольких крупных писателей США, опираясь на их высказывания и на анализ их произведений.

2. Растущее влияние Достоевского определяется и универсальностью русского гения, которая делает его писателем на все времена и для всех народов. Однако можно выделить и некоторые конкрет-

⁸ РГАЛИ, ф. 2548, оп. 2, ед. хр. 15, л. 57—74. Машинописная копия с авторской правкой. Летом 1975 года А. А. Аникст предпринял отчаянную попытку «пробить» эту статью в печать, сопроводив ее таким отзывом: «Считаю, что статья Р. Орловой является образцовой. Совершенно удивительным образом автор обращается одновременно к юному и взрослому читателю и, по-моему, обоим видам читателей статья будет одинаково интересна. Статья написана о жизни, о людях, о подростках, она совершенно лишена узкого литературоведческого профессионализма. О человеческом писателе написано очень человечно. При этом весьма глубоко вскрыт не только психологический, но и социальный смысл разбираемых произведений. (...) В заключение повторяю: статья Р. Орловой превосходна и безусловно заслуживает одобрения» (там же, ед. хр. 224, л. 5—6). Машинописная копия с подписью-автографом. Статья так и не была напечатана.

⁹ См. также: Орлова Р. Русская судьба Хемингуэя // Вопросы литературы. 1989. С. 77—107.

¹⁰ Орлова-Копелева Р. Двери открываются медленно. М., 1994. С. 22.

¹¹ Машинописная копия доклада с авторской правкой и припиской Р. Д. Орловой: «Доклад сделан на конференции в Ленинграде в музее Достоевского „Достоевский и мировая культура”» (РГАЛИ, ф. 2548, оп. 2, ед. хр. 21, л. 1—8. Дата выступления Р. Д. Орловой известна: 23 ноября 1975 года).

ные обстоятельства места и времени, определившие особое тяготение к Достоевскому именно в США, именно в 1960—1970-е годы.

- а) Возникла и растет реальная возможность гибели рода человеческого и гибели от высокого уровня техники (нажать одну кнопку) и фигуральная гибель — стандартизация, запечатленная еще гениальным Чаплином в фильме «Новые времена», гибель от неспособности любить. Отсюда — широкое распространение апокалиптических настроений, предчувствий.
- б) Взрыв экстремизма, терроризма возвращает нас к «Бесам»; о «Ставрогиных в Гарварде» много писали во время волны студенческих мятежей.¹ Государственные деятели и педагоги, писатели и социологи, пытаясь ответить на вопрос: как обуздать сегодняшних верховенских, безнаказанно действующих в Америке и Европе, в судорожных поисках выхода невольно наталкиваются на грозные провидения Достоевского.
- в) Крах «народнических» иллюзий, крах очередной волны оптимизма, характеризующей общественные настроения в США в начале 1960-х годов (президентство Кеннеди, движение «новых левых»), также приблизили к Достоевскому. В частности, крах надежд на то, что зло (в том числе расизм) можно уничтожить путем реформ и путем давления масс (от гимна ненасильственного сопротивления «Мы одолеем, черные и белые, сообща» к боевым кличам бунтарей в городских гетто «Жги, детка, жги!»).
- г) Под давлением всех этих обстоятельств усиливаются сомнения в реальности, в ее устойчивости, — а Достоевский — художник текучей бегущей мысли, действительности, постоянно меняющей очертания.

3. Полифонизм, органически присущий творчеству Достоевского, присущ и его восприятию. На пути Достоевского в США встретились и серьезные препятствия, коренящиеся в самых основах общественного, нравственного и литературного развития страны. В первом программном документе — в «Декларации независимости» — провозглашались «неотъемлемые права человека — на жизнь, свободу и стремление к счастью», — первая формулировка «американской мечты». На протяжении двух столетий американские писатели подтачивали, разрушали американский оптимизм, но одновременно они же вновь и вновь способствовали его возрождению; до сих пор торжествует вера в посюстороннюю разрешимость самых мучительных конфликтов, самых сложных противоречий. В этом американская почва не только отлична от идейно-художественного мира Достоевского, но и прямо враждебна ему. Кому из людей, гонящихся за счастьем, нужны книги Достоевского?

Критик Кл. Фэдимен так определил препятствия на пути Достоевского в Америку в предисловии к «Преступлению и наказанию»

(1956): «Англоязычный читатель, входя в мир романа, если его тщательно не подготовить, — решит, что он попал в сумасшедший дом... В отличие от него героям Достоевского жизнь не представляется движением к прогрессу».²

По-иному об этом же писал поэт Роберт Фрост:

Критики требуют, чтобы все мы Достоевскими стали,
А у нас большая беда — избыток успеха и благ.³

Вера в прогресс, во всемогущество разума, неопросветительские иллюзии сегодня свойственны идеологам, писателям, властителям массового сознания в США.

Издатель журнала «Плейбой» Хефнер заявил, что «изобретатель гвоздя принес гораздо больше благ человечеству, чем тот, кого распяли на гвоздях».

4. Вопреки этим и иным препятствиям, Достоевский победоносно завоевывал и продолжает завоевывать американцев и непосредственно своими книгами, и опосредованно — влиянием на современных литераторов, на тех, кто пришел после Хемингуэя и Фолкнера. В ответах на упомянутую анкету они говорят:

Джон Апдайк: «Ваши классики XIX века, и прежде всего Толстой, Достоевский и Чехов, — это просто критерий того, на что вообще способна литература, вернее, искусство прозы» (12 ноября 1974 года).

Герберт Голд: «Как писателя, меня затронули многие направления и стили, но глубже всего — Толстой и Достоевский, — „Толстойский“, как любил острить Набоков. Даже ранние и подчас банальные рассказы Достоевского пробудили во мне ощущение возможностей самого искусства рассказа» (декабрь 1974 года).

Норман Мейлер: «Я всегда говорил, что два величайших романиста — это Толстой и Достоевский» (18 февраля 1975 года).

Джеймс Болдуин в интервью перечисляет те книги, которые помогли ему выбраться из духовного гетто, и среди них — «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Бесы».

Число свидетельств можно увеличить, особенно за счет писателей фолкнеровской школы: Теннесси Уильямс, Фленери О'Коннор,⁴ Карсон Маккаллерс и др.

Есть писатели, которые отрицают Достоевского для себя или вообще. «Я ненавижу Достоевского», — признается Гор Видал. Он восхищается «Анной Карениной», романами Тургенева, пьесами Чехова.

Рейнольдс Прайс: «Достоевский, вопреки его несомненной гениальности, теперь мало значит для меня, — по очень простой, быть может, и банальной причине: я не люблю его героев, я не хотел бы знакомиться с ними, не хотел бы находиться в одной комнате, не хотел бы даже наблюдать за ними с безопасного расстояния. И поэтому я не радуюсь встречам с ними в книгах, как бы великолепно они ни были написаны» (30 мая 1975 года).

В. Набоков в статьях и интервью неоднократно подчеркивает свою нелюбовь к Достоевскому: «Я терпеть не могу „Братьев Карамазовых” и отвратительную болтовню “Преступления и наказания”»; «Иностранцы не понимают, что вовсе не все русские любят Достоевского так, как американцы, а большинство тех, кто любит, ценит в нем мистика, а не художника».

Однако чем яростнее отрицание, тем яснее, что оно подчас — своеобразная форма признания. Произведения и этих писателей, особенно Набокова,⁵ свидетельствуют о «крестоносном присутствии Достоевского» (Мальро).⁶

5. Для более подробного анализа выбраны рассказ Дж. Сэлинджера «Посвящается Эсме» (1950 год, награжден премией О' Генри. Русский перевод: Новый мир. 1961. № 3), роман Ральфа Эллисона «Невидимый человек» (1952 год, награжден Национальной книжной премией) и два романа Джойс Кэрролл Оатс (Оутс. — *Ред.*): «Сад радостей земных» (1967 год, русский перевод 1974 года) и «Их жизни» (1970 год, награжден Национальной книжной премией).

Выбор этих произведений диктовался и их значением в американской литературе, и тем, что воздействие Достоевского в них запечатлено не только косвенно, но и непосредственно. В них, как и во многих других произведениях современной литературы, действуют так называемые «антигерои», чудачки, — потомки тех, о ком писал Достоевский во введении к роману «Братья Карамазовы»: «Ибо не только («чудак». — *Р. О.*) „не всегда” частность и обособление, а напротив, бывает так, что он-то, пожалуй, и носит в себе иной раз сердцевину целого, а остальные люди его эпохи — все, каким-нибудь наплывным ветром, на время почему-то от него оторвались...» (14, 5).

Дж. Сэлинджер. «Посвящается Эсме»

В раннем сэлинджеровском рассказе «Последний день отпуска» герой читает Толстого, Достоевского, Фитцджеральда.

Подзаголовок рассматриваемого рассказа («с любовью и убожеством») — Достоевский и по мысли, и по стилистике. Эта тема — переплетение любви и убожества — ключевая в рассказе. Она непосредственно связана с одиночеством (общение возможно только с детьми), глухотой, отсутствием связей между людьми.

Во второй части рассказа (где «я» заменяется на «он», сержант Икс) опущен тот страшный опыт войны и насилия, который для писателя Сэлинджера в прямой форме невыразим. Здесь стилистически — отход от Достоевского к Хемингуэю. Но здесь же по-своему возникает и Достоевский: не в силах вынести своего участия в насилии герой заболевает (страшно не то, что зло несут злые, а то, что и добрые). Герой выходит из тяжкого психического кризиса не пото-

му, что обнаружил подарок, присланный случайно встреченной девочкой, — часы ее убитого отца, а потому, что ощутил ее сочувствие.

На книге Геббельса — она принадлежала нацистке, арестованной сержантом Икс, — была надпись: «Боже милостивый, жизнь — это ад». Герой прибавляет: «„Отцы и учителя, мысля: «Что есть ад?»» Рассуждаю так: «Страдание о том, что нельзя уже больше любить».” Он начал выводить под этими словами имя Достоевского, но вдруг увидел — и страх волной пробежал по всему его телу, — что разобрать то, что он написал, почти невозможно».

Этот эпизод — слова старца Зосимы — идейно-художественный центр рассказа. Он многозначен. «Всякий за всех перед всеми виноват...», — это повторяется трижды. Это и еще одно свидетельство тяжелой болезни героя. И выражение его душевного состояния: вина за мировое зло (в том числе и такое исторически конкретное, как нацизм) ложится не только на его носителей. Героя мучит неспособность любить не только у злых, но и у добрых. Эти темы пронизывают и другие рассказы Сэлинджера и роман «Над пропастью во ржи».

И кроме всего прочего, в этом эпизоде запечатлены сомнения писателя Сэлинджера — а смогут ли читатели разобрать что-нибудь из книг его современников, из его собственных произведений (герой рассказа — писатель) в гигантской тени Достоевского?

По Сэлинджеру (как и по Достоевскому), поскольку убожество (squalor в другом значении — грязь) в мире существует, человек не должен бежать от него, а пройти сквозь него и по мере возможности — возвыситься над ним.

Само бегство Сэлинджера на вершине всемирного успеха — от этого успеха, от паблисити (с 1965 года его имя не появляется в печати), вообще от всякой литературной жизни — в строгом соответствии с поведением его героев.

Сэлинджер с полным правом называет Достоевского среди своих любимых писателей.

Ральф Эллисон. «Невидимый человек»

В статьях и интервью Эллисона — множество ссылок на Достоевского, у которого он учился писать. Для Эллисона Достоевский — среди высочайших вершин, рядом с Шекспиром и Толстым. Он считает, что «Записки из Мертвого дома», кроме всего прочего, — «протест против ограниченности рационализма XIX века». Эллисон сопоставляет социальный кризис в России XIX в. и в современной Америке. Образы бунтующих разночинцев Достоевского помогают Эллисону выразить особенности того, как медленно завоевывает негр свое равноправие в обществе, каковы издержки этого страшного процесса (1974). Сам Эллисон придает огромное значение мифу,

фольклору, маске и полагает, что героев «Записок из подполья» (так же, как и героя «Шинели») можно в зачаточной форме обнаружить в русском фольклоре.

Герой (безымянный) романа «Невидимый человек» родился и вырос на Юге. Тяжкие жизненные университеты проходит он в большом городе Севера. Его отвергает общество и Юга, и Севера, он — отщепенец. Он испытывает глубокое, тотальное разочарование. Случайно попадает в подвал, где хранится уголь. Там долгое время живет, наблюдая за другими, а для них невидим. Эта сквозная метафора повествования и конкретна, и универсальна: это положение негра в обществе, где господствуют белые, но это и общие условия человеческого существования. Так Эллисон воплощает одну из центральных тем современной зарубежной литературы — некоммуникабельность. Он один из создателей «антигероя».

Персонаж мучительно пробивается к своей сущности через множество преград, ищет себя, ищет причастности. Стремится преодолеть неспособность любви в себе самом (ср. Сэлинджер).

Отправной пункт «Невидимого человека» — «Записки из подполья», но трансформация чрезвычайно существенна. Она прежде всего в конечном просветлении героя.

Выражение «невидимый человек» вошло в язык. Один из источников романа — клоунада, негритянский фольклор. Эллисон — один из немногих зарубежных писателей, для которого важно не только трагическое, но и комическое, театральное у Достоевского.

Джойс Кэрол Оатс. «Сад радостей земных»; «Их жизни»

«Я начала читать Достоевского пятнадцати лет, постоянно читала и перечитывала, а потом начала рассказывать о нем студентам. Каждый семестр я беру для семинара в университете по крайней мере одно произведение русской классики, то Достоевского, то Чехова, реже — Толстого» (12 дек〈абр〉74 года).

Оатс — автор интересной статьи «Трагическое и комическое в романе „Братья Карамазовы“» (в сборнике «На грани невозможности»). Она различает экзистенциальное — трагическое и христианское — комическое у Достоевского.

Пейзаж ее собственных романов — петербургско-достоевский: основной цвет — грязно-серый, основной запах — запах свалки. Цвета и запахи бедности.

Социологическая проблема «Кризис городов» (и ее предвосхищал Достоевский!) представлена в романах писательницы раздавленными человеческими судьбами. И теми, кто «достиг», и теми, кто не достиг. Представлена одиночеством: человек человеку никто. Герои так же невидимы, как негры у Эллисона. Они так же не-

способны любить, как герои Сэлинджера (об этом они меньше горюют).

Оатс изображает и муки бедности посреди изобилия, и ужас реализованной мечты (героиня в книге «Сад радостей земных»).

Романы Оатс полемичны по отношению к народническим иллюзиям. Ее бедняки — не в большей мере носители «света», чем богатые. Им свойственны озлобление, жадность, зависть, равнодушие к чужим судьбам. И здесь один из источников писательницы — полемика Достоевского, мир Достоевского.

В преступлениях, совершаемых героями, сочетается и социальная обусловленность, и немотивированность.

Заключение

В США создано потребительское общество — «хрустальный дворец» для многих. То, что предвидел и от чего в ужасе отшатывался Достоевский.

Он и сегодня олицетворяет максимализм нравственных стремлений. Наиболее чуткие американские писатели, испытывающие воздействие Достоевского, изображают обитателей дворца униженными и оскорбленными не только потому, что в его основание легло море слез, но и потому, что его сегодняшние жители отнюдь не счастливы.

Ноябрь 1975 года

Комментарии

¹ В реферативном обзоре летом 1970 года Р. Д. Орлова писала: «Профессор Колумбийского университета Роберт Горхэм Дэвис печатает статью в „Нью-Йорк таймс бук ревью“ (28 июня) под названием „Рембо и Ставрогин в Гарварде“: „За последние 4 года сотни тысяч американских студентов приняли ярлыки, костюмы, экстремизм, которыми в XIX веке выражала свое полное отрицание общества только небольшая группа писателей-пророков. А сегодня в Гарварде повсюду натыкаешься на Рембо или на Ставрогина из «Бесов». Причины для студенческих мятежей — политические, но их проявления, их формы больше заимствуют у литературы и искусства, в фантастической жизни массмедиа — живые карикатуры, научная фантастика, фильмы ужасов, вестерны.

(...) В «Бесах» Достоевский использует те же самые отношения между либеральными отцами и сыновьями-нигилистами, которые существуют сегодня в Америке»» (РГАЛИ, ф. 1573, оп. 4, ед. хр. 357, л. 146—147. Машинопись).

² *Dostoevsky F. Crime and punishment / Transl. from the Russian C. Garnett; Introduction C. Fadiman. New York, 1956. P. 1—10.*

³ *Frost R. Selected poems. New York, 1966. P. 104.*

⁴ Летом 1970 года Р. Д. Орлова построила внутреннюю рецензию на произведения Ф. О'Коннора на сопоставлении с Ш. Андерсоном и У. Фолкнером (РГАЛИ, ф. 1573, оп. 5, ед. хр. 877, л. 24—32. Машинописная копия с авторской правкой).